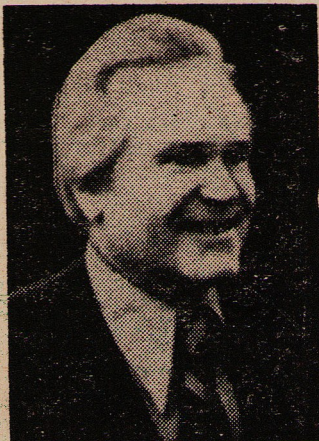

г. МОСКВА

ЮБИЛЕИ

Афанасий САЛЫНСКИЙ.

ко партийный художник, который всю жизнь словно пишет одну и ту же пьесу. Естественное, пьесы эти разные, среди них есть и комедии, и трагедии, и драмы, но все они, по существу, об одном — о бойцах партии, о дочерях и сыновьях народа, для которых подвиг во имя народа — и их быт, и их романтика.

Я бы сказал так: драматургия Афанасия Салынского — драматургия высокого гражданского звучания. Он верен правде жизни и в то же время всегда смотрит на нее сквозь увеличительное стекло подлинного искусства. Но увеличительное это стекло выхватывает крупным планом не темные стороны бытия, не кривые души и поступки, хотя и об этом говорит в своих пьесах Салынский. Увеличительное стекло в его руках выхватывает из потока жизни наиболее светлые ее стороны, наиболее романтические ее характеры, наиболее значительные ее события.

Писатель-гражданин, даже когда он говорит о недостатках, даже когда он обличает зло, остается романтиком, остается певцом положительного начала эпохи, и это, быть может, самое важное в творчестве Салынского. Он не подтирает обывательски руки, когда рассказывает о чьих-то недостойных поступках. Он не знает мелкого

РОМАНТИК И БОЕЦ

зубоскальства, когда нужно по смеяться над злом. Он не держит, как говорится, «фигу в кармане», когда нужно сказать о серьезных противоречиях действительности. Гражданственность — это и есть в первую очередь умение разглядеть добрые начала современности, увидеть радостные ее перспективы. И только в том случае, когда есть у писателя эта гражданская радость за свой народ, за свое время, может возникнуть в его творчестве и гражданская боль за те недостатки, которые еще существуют. Без радости одна лишь боль грозит выродиться либо в холодное озлобление, либо в слезливое раздражение.

Драматургия Салынского — серьезная драматургия, пусть не покажется странным такое определение для искусства. Я специально употребляю слово «серьезная», потому что никогда не ищет этот драматург легких сюжетов, обкатанных тем, примелькавшихся конфликтов. Прошедший Великую Отечественную войну, Афанасий Салынский и в драматургии остался бойцом, каждая его пьеса — это своеобразный бой, бой за прекрасного человека, против дурных людей, бой за новый уровень нравственности в обществе.

У Салынского много пьес. Назову лишь несколько лучших, которые как бы вбирают в себя специфику его таланта.

«Опасный спутник» — пьеса, сразу же привлекая внимание к молодому тогда драматургу, поставленная в одном из лучших театров страны — Малом. Салынский в своем «Опасном спутнике» через вопросы вроде бы производственные сумел рассказать о вопросах глубоко нравственных, обратиться одновременно и воспитанию и груженки, и человека. А затем — «Барабанщица», пьеса, не сходящая со сцен наших театров, ставшая поистине украшением советского репертуара. В образе героини этой пьесы Нилы Снижко Салынский запечатлел лучшие стороны характера

советского человека, который ценной жизни добывает свободу и счастье своему народу. «Барабанщица» — включая пьеса в творчестве Салынского — очень многое объясняет в самом творческом характере писателя. Становится особенно ясным, какой самобытный, зрелый, цельный, умный и романтический художник есть в боевом расчете советских драматургов.

С огромным успехом прошла на наших сценах, идет и до сих пор еще одна пьеса Салынского — «Мария». Чуть ли не первым среди наших драматургов Салынский обратил внимание на острое противоречие между сухим утилитаризмом и романтическим подвижничеством в процессе труда. До «Марии» этот конфликт, пожалуй, не поднимался так остро, его заслоняли другие проблемы, связанные с другими производственными конфликтами. Салынский, оттолкнувшись от старой проблематики, оттолкнувшись от погодинской стартовой площадки, взял новые высоты, его пьеса обратилась и духовным началом производственной жизни.

Свое 60-летие Афанасий Салынский встречает в расцвете творческих и, если можно так сказать, общественных сил. Писатель и общественный деятель слиты в нем органично. Он счастливо избежал двух по крайней мере опасностей писательской судьбы — глухо-кабинетного уединения и иссушающей засадебельской суевы.

Салынский передал сейчас театрам новую, очень интересную драму «Молва», снова посвященную героическим судьбам и сильным характерам.

Что же пожелать юбиляру в эти знаменательные для него дни? Ну что ж, из всех многочисленных дружеских пожеланий я выберу одно: пусть навсегда останется Афанасий Дмитриевич Салынский тем светловолосым юношей с ослепительной улыбкой, с молодым лицом и душой, с горячей жадью творчества и любви, каким я узнал его в тепер уже далекие пятидесятые годы.

Вл. ПИМЕНОВ

ДАВНО это было. Москва 50-х годов. Союз писателей СССР, до краев наполненные работой дни, шумящие от людей коридоры и комнаты на улице Воровского, 52; семинары драматургов, встречи, знакомства, возникновение новой генерации литераторов, быть может, не четко ощутимая и все же заметная смена поколений, во всяком случае, в театральном искусстве. И вот тогда передо мной появился светловолосый человек, крепко сбитый, с добрым открытым русским лицом, с яркой улыбкой, которая сразу все освещает — и само лицо, и души собеседника. В человеке этом был еще военный костюм. Война окончилась, но не он один, многие ходили еще в военном: с одной стороны — жаль было расставаться с трудными боевыми годами, с другой — и денег пока не накопили, чтобы шить новые гражданские костюмы. Это был Афанасий Салынский, приехавший на семинар драматургов и давший прочитать тогдашнему редактору журнала «Театр» Николаю Федоровичу Погодину и нам, в Союзе писателей, одну из первых своих пьес — «Братья».

С тех пор прошли годы и годы. Теперь все мы знаем известного драматурга, литературного и театрального деятеля, секретаря правления Союза писателей СССР, председателя Совета по драматургии, редактора журнала «Театр» Афанасия Дмитриевича Салынского. Но вот что примечательно: между Афанасием Салынским начала его творческой судьбы и зрелым писателем Афанасием Дмитриевичем Салынским будто бы и нет разницы. Да, конечно, выросло художественное мастерство, быть может, чуть реже улыбается озабоченный множеством дел старый мой друг, но в существе все то же: он и начинал, и продолжает как глубоко